

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ЭНЕЦКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Памяти учителя и друга
Холи Николаевича Каплина,
скончавшегося в марте 1980 г.

I. *Somatu*

Этноним *somatu*, используемый тундровыми энцами в качестве самоназвания, не удается истолковать на основе энецкого языка, сами энцы не дают ему перевода (Васильев 1979 : 13; наши полевые данные). В литературе известны по меньшей мере три варианта этимологизации этнонима. Г. Н. Прокофьев (1937 : 7) допускает связь этнонимов *samadu* (написание искаженное!) и *madu* — название тундровых энцев в лесном диалекте энецкого языка (соответствует нен. *mando*, *mantu*); несостоятельность такого допущения продемонстрировал П. Хайду (Hajdú 1950 : 16—17). Основываясь на другом предположении Г. Н. Прокофьева, Б. О. Долгих (1946 : 123) и П. Хайду (Hajdú 1950 : 17), по-видимому, независимо друг от друга высказали мнение о заимствовании из рус. *самоди* (преобразованное *самоядь*, *самоеды*); впрочем, сам П. Хайду отмечал безупречность этой заманчивой этимологии с точки зрения фонетики. Г. М. Василевич (1965) связывала рассматриваемый этноним с тунгусо-маньчжурским *Саман* ~ *Самай*, видя в энцах-сомату возможных потомков «исчезнувших» после XVII в. тунгусов-«шамагов» из Прибайкалья; историческая недостоверность такой гипотезы отмечена В. И. Васильевым (1979 : 43).

Ниже предлагается принципиально иная этимологическая интерпретация.

1. Помимо самого тундрового диалекта энецкого языка, рассматриваемый этноним представлен также в нганасанском языке в форме *səma'tu*¹ (ранее он использовался — по крайней мере, эпизодически — и лесными энцами, но только в применении к тундровым, а не как самоназвание; см. Долгих 1970 : 117). Нган. *səma'tu* вряд ли может быть исконно родственным с эн. *somatu*, поскольку в прасеверносамодийской лексике наблюдаются, как правило, иные, менее тривиальные фонетические соответствия (нган. *-m-* : эн. *-φ-* или *-b-*; нган. *-u-* : эн. *-a-*). Напротив, на собственно нганасанской почве обнаруживается сходство (фактически тождество) данного этнонима с основой глагола обладания *səma'tə-* (инфинитив *səma'təsa*, см. Терещенко 1979 : 257) 'иметь шапку, находиться в шапке' (от *sətu* 'шапка').

2. Надежным свидетельством того, что сходство это не случайно, слу-

¹ В записи *сама''ту* 'энец племени маду' (Терещенко 1979 : 255) гласный первого слога обозначен неточно (*a* вместо фонетически очень близкого *ə* = *ä*), о чем бесспорно свидетельствует наличие написаний этого нганасанского слова через *o*, ср., например, *s'əmātu* (Middendorff 1875 : 1442).

жит, этимологический анализ названия одного из родовых подразделений тундровых энцев — *Soeta*². По-ненецки этот род именуется, как установил Б. О. Долгих (1970 : 178), *Собета, Совэта* (= *Sõβita*). И энецкая, и ненецкая формы родового названия интерпретируются как 3 л. ед. ч. наст. вр. от глаголов обладания *soeto-* (эн.), *sõβitã-* (нен., ср. большеземельскую форму этого глагола *сăбитă(св)*; Терещенко 1965 : 515) 'быть в шапке, носить шапку'.³ Глагол образован от эн. *soe* 'шапка', нен. *sõβa* — эти слова, наряду с нган. *səmi*, а также ненЛ *хамта*, восходят к сев.-сам. **səmã*.

Прозрачная этимология данного родового названия хорошо осознается самими энцами. Наш информант Х. Н. Каплин (1910—1980) в сентябре 1979 г. указал в беседе, что род *Soeta* можно именовать также *Tāi* (*tāi* 'шапка' в основном вытеснило устар. *soe*, которое ныне употребляется преимущественно в суженном, специализировавшемся значении 'женская ушанка'), и продиктовал следующее предание о происхождении названия: *Soeta odeoχoda tidoda Soeta niu'a. kudaχa' bidoda toneabi. šidibiχo'. tāida toneabi, aburida niδo ka'arabiδa, tāirioda lobifeupi. eηaulō mabi: tidoro m' ada? Soeta niu āba. modī nenena' Tāi, Soeta ηūlio niidi'*. 'У Сойты вот почему род называется Сойта. Когда-то товарищ у него был. Они расстались. У него была шапка, он снял ее с головы и все шапкой махал. Тот другой сказал: «Твой род какой будет? Пусть будет Сойта.» У нас Таи («Шапка»), Сойта — одно их имя.' Сходные, хотя и упоминающие другой эпизод (предок рода Сойта сидит в чуме в шапке) предания известны и из этнографической литературы (Долгих 1970 : 178—179). Впрочем, сам Б. О. Долгих в данном случае — как и в некоторых других, см. ниже — пытался дезавуировать естественное толкование этнонима, считая его народно-этимологическим.

3. Возвращаясь к нган. *səma'tu*, мы можем констатировать, что это название является абсолютно точным поморфемным соответствием нен. *Sõβita* и эн. *Soeta* (корень **səmã* + морфема чередования, характерного для аккузатива мн. ч. + суффикс отыменных глаголов *-*t-tã*-+ окончание 3 л. ед. ч. суб. спр. *-*ã*). Правда, для современного нганасанского языка эта форма уже не является формой 3 л. ед. ч. наст. вр., так как настоящее время характеризуется дополнительными показателями времени *-t-/nd-* или *-'* (Терещенко 1979 : 198). Однако эти показатели явно вторичны; для более ранней стадии развития нганасанской системы спряжения следует предполагать нулевой показатель настоящего времени (как в ненецком и энецком). Таким образом, в (ранне)нганасанском *səma'tu* также должно было означать 'имеет (носит) шапку'.

4. Ввиду этого есть все основания считать, что первоначально нган. *Səma'tu* представляло собой название не всех тундровых энцев, а лишь

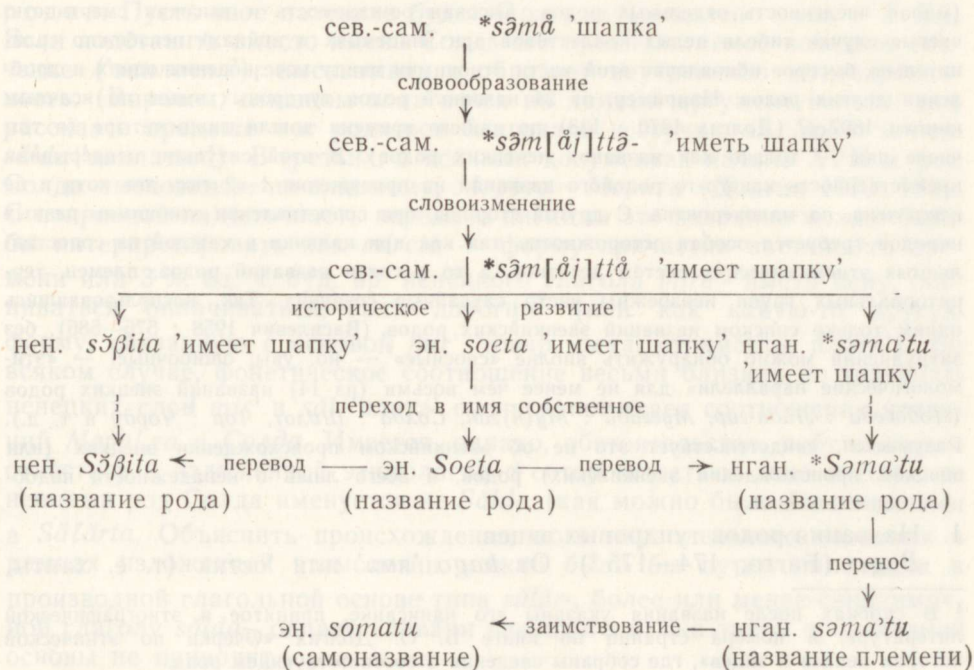
² В этнографической литературе принято написание *Сойта* (ср., впрочем, *Сойэта* и *Созта*, Долгих 1970 : 178), что связано с произношением *oe* в виде [oɛ] или даже [oɪ] в аллеговой энецкой речи.

³ Ненецкая форма может быть понята и как причастие настоящего времени от глагола *sõβi-* (*сăбиць* — Терещенко 1965 : 515) 'использовать в качестве шапки, иметь шапку'. Однако в энецком языке окончание Part. Praes. *-ta/-δa/-da* наличествует в лесном диалекте, тогда как в тундровом представлено окончание *-te/-de/-de*. Поэтому тундрово-энецкая форма родового названия отождествляется только с личной формой *soeta* 'носит шапку', а не с причастием *soete* 'имеющий шапку' (от глагола *soe'*, соответствующего нен. *sõβi-*).

их родового подразделения *Soeta*, и являлось, подобно нен. *Sǎβita*, точным фонетическим соответствием (или поморфемным переводом) энецкого самоназвания этого рода. Известно, однако, что род *Soeta* — ныне, по утверждению информантов-энцев, исчезнувший с кончиной (в 50-х или 60-х гг.) его последнего представителя, Григория Ефимовича Горлашкина (*Sara*) — «лучше всех энецких родов племени сомату проследживается вплоть до начала XVII в.» (Долгих 1961 : 227) и был в разные периоды XVII—XVIII вв. самым многочисленным или хотя бы одним из самых многочисленных тундрово-энецких родов (см. Долгих 1970 : 138—139, 142, 164; Васильев 1979 : 108—109). Особой популярностью пользуется этот род и в фольклоре (Долгих 1970 : 179). Эти обстоятельства легко могли обусловить перенос названия одного (крупнейшего) из родов на все племя тундровых энцев, подобно тому, как племя лесных энцев издавна именуется нганасанами *baj* (Терещенко 1979 : 255) по названию крупного рода *Vae*.

5. В самом языке энцев-сомату их самоназвание оказывается, таким образом, заимствованным от нганасанов, с которыми сомату традиционно поддерживали теснейшие (в том числе и брачно-родственные) связи. Передача нган. *səma'tu* в виде эн. *somatu* вполне регулярна. Видимо, заимствование произошло уже после того, как прошедшие в нганасанском и особенно в энецком языке фонетические изменения замаскировали внешнее сходство и этимологическое единство между нган. *səma'tu* и эн. *Soeta*. В качестве любопытной параллели к заимствованному происхождению самоназвания можно указать на то, что современными тундровыми энцами употребляется, наряду с *somatu*, параллельное самоназвание *mantu*, заимствованное на сей раз уже из ненецкого языка (перечень же случаев неисконного происхождения самоназваний в других языках можно открыть хотя бы этнонимами *eesti* и *русский*).

6. Генезис рассмотренных этнонимов отображен с помощью стеммы.

II. Названия энецких родов

В своей работе о самодийских этнонимах П. Хайду был вынужден ограничиться рассмотрением лишь нескольких названий энецких родов, зафиксированных в опубликованной к тому времени литературе (Найдú 1950 : 74—76). С тех пор огромная работа по сбору полевых (в том числе фольклорных) и архивных материалов, осуществленная в первую очередь этнографами Б. О. Долгих (1904—1971) и В. И. Васильевым, позволила выявить всю совокупность родовых названий энцев наряду с важными сведениями о происхождении, истории расселения, численности и взаимных связях соответствующих родов.

Пользуясь «Указателем названий родов, управ (волостей), племен, фамилий» (Долгих 1962 : 232—235), мы в ходе экспедиционной работы выделили названия 14 энецких родов, известные современным тундровым энцам, и уточнили фонетический облик этих названий. (По крайней мере в одном случае — см. ниже *Áseda* — такое уточнение принципиально важно для правильной этимологизации). Ниже приводится перечень этих названий с объяснением их происхождения; мы не останавливаемся сколько-нибудь подробно на тех случаях, где следуем объяснению, предложенному Б. О. Долгих — исследователем, который уделял большое внимание лингвистическому анализу этнографического материала.

В качестве общей преамбулы к дальнейшему следует сказать, что Б. О. Долгих и особенно В. И. Васильев, придавая этнонимике первостепенное значение в решении вопросов этногенеза самодийцев, в некоторых случаях чрезмерно, на наш взгляд, преувеличивают архаичность родовых названий. Для их работ характерно стремление отыскать параллели этнонимов в этнонимическом же материале (по другим народам) и обосновать тем самым этнические связи глубокой древности. Однако анализ всей совокупности родовых названий показывает, что у северных самодийцев подавляющее большинство таких имеет прозрачную этимологию, не идущую далее нарицательной лексики соответствующего языка (для ненецких данных — наиболее многочисленных — см. Найдú 1950 : 45—69; Lehtisalo 1956; Терещенко 1965; Хомич 1976 : 102—111; Долгих 1970 : 100—102). Кроме того, по чисто демографическим причинам (малая численность отдельных родов; высокая рождаемость и высокая смертность; частые случаи гибели целых коллективов при эпидемиях и войнах) неизбежно сравнительно быстрое обновление этой части этнонимии ввиду исчезновения одних и дробления других родов. Например, из 24 названий родов тундровых энцев по ясачным книгам 1607 г. (Долгих 1970 : 138) до нашего времени дошли лишь четыре (в том числе два — только как названия ненецких родов). В этой ситуации непрерывная преемственность какого-то родового названия на протяжении 1—2 тыс. лет хотя и не исключена, но маловероятна. С другой стороны, при сопоставлении этнонимии разных народов требуется особая осторожность, так как при наличии в каждой из сопоставляемых этнонимических систем десятков, а то и сотен названий родов, племен, территориальных групп неизбежны чисто случайные созвучия. Так, воспользовавшись одним только списком названий эвенкийских родов (Василевич 1958 : 576—586), без затруднений можно обнаружить вполне «сносные» — но, увы, ошибочные! — «этимологические параллели» для не менее чем восьми (из 14) названий энецких родов (*Лодоседа* : *Лада-гир*, *Муггади* : *Му(н)ган*, *Солда* : *Шолот*, *Чор* : *Чорду* и т. д.). Разумеется, свидетельствует это не об эвенкийском происхождении энецких (или энецком происхождении эвенкийских) родов, а всего лишь о ненадежности подобного сопоставления.

1. Названия родов тундровых энцев.

Vago (Багго; 174—175⁴). От *bago* 'яма' или 'остяк' (т. е. ханты,

⁴ В скобках после названия указаны его написание, принятое в этнографической литературе, и номера страниц по книге Б. О. Долгих «Очерки по этнической истории ненцев и энцев», где собраны сведения о соответствующем роде.

селькуп или кет) — род ведет свое начало от некоего остяка, видимо, селькупа (Васильев 1979 : 19).

Bunela (Буналя; 169—170). Ср. *bu* ~ *bun*- 'собака' (?).

Lodosede (Лодоседа; 166—169). Букв. 'бесторсый, не имеющий верхней части туловища' (от *lodo* 'торс', ср. нен. *läd*).

Masudae (Масодай; 171—174). Букв. 'неумытый' (от *masu*- 'вымыть, умыть').

Sadu (Садо, Саду; 175—176). Ср. *sadir*- 'шить', *sadō* 'отделка из каймы' (?).

Soeta (Сойта; 178—179). Этимология указана выше, в связи с этнонимом *somatu*. Учитывая исходный облик названия (с утраченным впоследствии интервокальным *-m-*), следует безусловно отклонить сопоставление с южносибирским этнонимом *sojon*, *sojot* и топонимом *Саяны* (Долгих 1970 : 242—245; Васильев 1974 : 139—143).

Solda, фонетически обычно [*sòl'da*] (Солда; 179—180). Наличие сочетания *ld*, недопустимого в исконно энецкой лексике (гласный явно эпентетической природы), указывает на иноязычное происхождение названия. Представляется возможным возвести его к личной форме (3 л. ед. ч. наст. вр.) ненецкого глагола *sälda*- 'заплатить, оплатить'. В ненецких заимствованиях тундрового диалекта энецкого языка *ä* (ǰ) регулярно передается в виде *o* (с позиционным вариантом *ò* перед сочетанием согласных), а сочетания согласных разбиваются лишенным фонологической самостоятельности эпентетическим гласным, ср. эн. *porŋe* [*pòr'ŋe*] из нен. *pärŋe*, *pörŋe* 'ведьма'. В пользу такого объяснения свидетельствует, в частности, следующее. Во-первых, в записанном в 1949 г. рассказе энец Х. Н. Каплин — представитель (а позже старейшина) рода Солда — прямо указал: «Солда — это раньше были юраки» (Долгих 1961 : 232). Во-вторых, в том же рассказе можно усмотреть прямой намек на связь с глаголом 'заплатить': богатый, но бездетный старик Няндуй, купив мальчика-юрака (ненца) и заплатив за него оленями и лисицами, размышляет: «Как я тебе название дам? Я тебя не родил. Пусть твоё название будет Солда» (выделено нами — Е. Х.). Если подставить вместо имени Солда его предполагаемое исходное значение ('заплатил'), высказывание обретает внутреннюю мотивированность. (Впрочем, слишком полагаться на данный аргумент нельзя: сам рассказ о продаже мог родиться благодаря созвучию эн. *Solda* и нен. *sälda* 'заплатил'). В-третьих, в ясачных документах начала XVII в. род Солда именовался, по-видимому, *Мерета* ~ *Мерута* (Долгих 1970 : 180). С поправкой на неточность передачи писцами это название можно было бы интерпретировать как *mireta* — форму причастия настоящего времени или 3 л. ед. ч. буд. вр. ненецкого глагола *mire*'-'иметь цену, оцениваться, оплачиваться, быть дорогим' (или как какую-то другую форму, связанную с основой *mir*' 'товар, цена, стоимость, плата'). Во всяком случае, фонетическое соотношение весьма близких по значению ненецких слов *mir*' и *säl* 'плата' очень напоминает соотношение названий *Мер^u/e_{ta}* и *Солда*. Имеется, однако, обстоятельство, побуждающее отнестись к изложенной этимологии с осторожностью: дело в том, что ненцами род Солда именуется не *Sällda* (как можно было бы ожидать), а *Sälärta*. Объяснить происхождение этого параллельного названия в рамках изложенной этимологии можно было бы путем апелляции к производной глагольной основе типа *sälär-*, более или менее синонимичной глаголу *sällda-*, однако словари ненецкого языка такой производной основы не приводят.

Sonuka (Сонуко; 176—178). Трактровка этого названия как тотемического со значением 'чайка' (Б. О. Долгих) вряд ли приемлема, поскольку чайка по-энецки *sanike*. Гораздо естественнее считать источником эн. *sonuka* 'шар(ик), круглый предмет' — это слово могло служить прозвищем родоначальника, отличавшегося полнотой и небольшим ростом.

Тадобео (Тадобэу; 170—171). Адъективное образование с суффиксом *-о* (*-jā) от *тадобе* 'шаман'. Основа *ηə* ~ *ηəd* 'шаман' содержится и в нганасанском названии этого рода, записанном Б. О. Долгих, — *Неодикадю*.

2. Названия родов, имеющих у обеих групп энцев.

Вае (Бай; 212—218). Из ряда соображений, высказывавшихся в связи с этимологией этого названия, наиболее убедительным представляется его возведение к эвенкийскому родовому названию *Ваја, Вајагир* (Долгих 1970 : 213—214). Эвенки-баягиры в XVII в. жили в районе Тазовского и Мангазейского зимовий (Василевич 1958 : 576), т. е. там же, где и энцы (несколько семей эвенков Баякиных живет в верховьях Таза и ныне). Сообщалось о традиционном для членов рода Бай в прошлом владении эвенкийским языком (Долгих 1970 : 214). Фонетически этимология безупречна, так как развитие **aja* (**ājā*) > *ae* в энецком языке имеет регулярный характер: ср. эн. *тае*' 'беда, мучение' < сев.-сам. **mājāŋ* (ср. нен. *maja*); эн. (лесн.) *паеҕа* 'вытертая шкура' < эвенк. *najaksa, najakša, najaha* 'ровдуга, замша'. Связь с многочисленными енисейскими и тюркскими этнонимами, начинающимися на *Вaj-* (Васильев 1974 : 158—163) и, скорее всего, связанными с тюрк. *baj* 'богатый', может быть разве что косвенной (через эвенкийское посредство). Маловероятны, на наш взгляд, толкования названия *Вае* (и его ненецкой формы *Waj*) на основе нен. (только у Кастрена) *wai* 'короткий рог' (Hajdú 1950 : 64) или нен. *waj* 'злой' (Терещенко 1965 : 37).

Mogadi (Муггади; 205—212). Название рода является производным от эн. *moga* 'лес' (**moŋkå*, ср. нган. *muŋku* 'дерево, лес' и нен. *moŋga* 'низина в излучине реки') и в своей ненецкой форме *Moŋkanzi* легло в основу названия знаменитой Мангазеи. Представляются весьма ненадежными традиционные сопоставления с родовыми названиями самодийских и тюркских народностей Присаянья — кам. *Bögöshä*, койб. *Bögödji*, караг. *Vogoshe* (Castrén 1856 : 389; Hajdú 1950 : 75—76, 91, 97; Васильев 1974 : 148—149), поскольку ни в каком из саяно-самодийских языков основа **moŋkå* не могла бы развиваться в *bögö-*. Вероятно, нельзя принять и сближения с названием *Мунгаткова* улуса (*Могатисанг*) у кашинцев (Потапов 1957 : 125), так как последнее трудно отделить от имени князца Мунгата у качинцев (Миллер 1941 : 61).

3. Названия родов лесных энцев.

Āseda (Аседа; 203—205). Помимо энецкого языка, это родовое название имеется в ненецком — в форме *ŋasāda*. Известно, впрочем, что ненцы рода *ŋasāda* — энецкого происхождения (Васильев 1974 : 169—170). Существующие объяснения названия нельзя считать удовлетворительными. Л. В. Хомич (1976 : 106) переводит его с ненецкого языка как 'не имеющие *Ҧа*' (*Ҧа* — злой дух). При этом в составе названия вполне обоснованно вычленяется каритивный формант *-sāda*; однако в целом толкование не может быть принято, так как энецкую форму названия нельзя ни перевести указанным способом (известно эн. *ŋā* — но не *ā!* — 'бог, небо'), ни объяснить как ненецкое заимствование (куда в таком случае делся согласный *η*? Такому предположению противоре-

чат, кроме того, и историко-этнографические данные). Еще труднее согласиться с мнением о связи рода Аседа с народом Аз в древнетюркских памятниках, ачинцами и ашкиштымами на юге Сибири, енисейскоязычными асанами и т. д. (Долгих 1970 : 230—233; Васильев 1974 : 170—173), хотя бы уже потому, что название *Āseḍa* приписывается при этом совершенно произвольное морфологическое членение. Этимологизируя рассматриваемое название, необходимо ориентироваться на его энецкую форму (нен. *ḡasāḍa* легко объяснимо как заимствование из эн. *Āseḍa*, что согласуется и с историко-этнографическими данными, тогда как обратное направление заимствования, как уже отмечалось, невероятно). Элемент *ā-*, остающийся за вычетом каритивного форманта *-seḍa* (= нен. *-sāda*), не представлен в современном энецком языке в качестве самостоятельного слова. Он, однако, обнаруживается в составе деэтимологизировавшегося сложного слова, зафиксированного нами в тундрово-энецком диалекте: *āmi* ~ *āmir* 'налог, ясак'. Это слово точно соответствует ненецкому словосочетанию *ḡāewwa mir* с тем же значением и с буквальным переводом 'цена головы' (ср. аналогичные звукосоответствия в парах нен. *tāewwa* : эн. *tā-* 'дойти, достичь', нен. *kāewwa* : эн. *kā* 'костный мозг', нен. *wāewwa* : эн. *bā* 'плохой'). Тем самым оказывается возможным возвести элемент *ā-* в названии *Āseḍa* к сев.-сам. **ājwā* 'голова'. Отметим, что в виде самостоятельного слова со значением 'голова' **ājwā* развивалось в энецком языке несколько иначе и дало (тундр.) *aba*, *aburi*, (лесн.) *eba*. Причина нерегулярного для данной позиции развития (**-w-* сохраняется в виде *-b-*, а не исчезает) связана, вероятно, с тенденцией «избегать» появления чрезмерно коротких слов.⁵ Однако в случае с суффиксальным производным **ājwākātā* 'безголовый', как и в случае со словосложением **ājwā-mir* 'налог, ясак', угрозы возникновения слишком короткого слова не было, и фонетическое развитие шло регулярно (с утратой **-w-* и последующим стяжением в долгий гласный). Предлагаемую реконструкцию родового названия *Āseḍa* в виде **Ājwākātā* подтверждает то обстоятельство, что среди лесных ненцев имеется крупный род *ḡāeiwwasatta* (*Нгэващата*, *Нгэвасяда*, *Айваседа*), букв. 'безголовый', название которого возводится к той же северносамодийской праформе. Не исключено, что появление рода **Ājwākātā* можно отнести еще к периоду праязыковой общности ненцев и энцев; во всяком случае, к XVII в. Аседа и Нгэващата явно не считались уже родственными родами, и их представители могли заключать между собой браки (Долгих 1970 : 233). Интересно, что на сходство родовых названий *Аседа* и *Нгэващата* ~ *Нгэвасяда* обратил внимание Б. О. Долгих, однако интерпретировал он его фантастическим способом, полагая, что значение 'безголовый' у второго из этих названий имеет народно-этимологическую природу и что на самом деле Нгэващата — это «головные» (т. е. передовые, двигавшиеся раньше других на Север) Аседа (там же).

D'ufi (Ючи; 218—220). Если обратиться к собственно энецким языковым данным, то, пожалуй, это родовое название можно интерпретировать через предикативную форму прош. вр. *ḡufi*, образованную от существительного *ḡu* ~ *ḡus-* 'сон, сновидение' и имеющую значение 'сон был'. Такое прозвище мог получить человек, рождению которого предшествовал вещий сон и который впоследствии стал основателем дан-

⁵ Исключения из фонетических законов, связанные с действием такой тенденции, хорошо известны из материала многих языков. Ср. хотя бы франц. *rien* из лат. *rem* вместо несуществующего «закономерного» **rie*.

ного рода.⁶ Впрочем, за отсутствием каких-либо дополнительных (например, фольклорных) данных в пользу высказанного толкования мы не можем быть уверены в его правильности. Б. О. Долгих (1970 : 218, 234—236) и В. И. Васильев (1974 : 165 и сл.; 1979 : 40) сопоставляют родовое название *Ючи* с целым рядом более или менее созвучных названий родов и племен — *Еуши (Ивши) и Юхучи (Юхуди)* у ненцев, *еуштинцы* у западносибирских татар, *Юуты (Тиуты)* и *юс (юж)* у тубаларов, *юты (дботы)* у кумандинцев и телеутов, *Чогду* у тофаларов, *Чооду* у тувинцев-тоджинцев, *Юсь* у южных алтайцев и др. Естественно, принять эти сопоставления en masse невозможно (с учетом исторической фонетики самодийских и тюркских языков), но какие-то из них, быть может, обоснованы. Думается, что — если не считать *D'ufi* образованием на собственно энецкой почве — наиболее заманчиво предположить его связь с концовкой трудноэтимологизируемых названий ненецких родов *Хару́ци⁷, ηиу́ци (Wиу́ци)* и, возможно, *Jewśi* (эта форма лесного диалекта может восходить к *Jeuci*), ср. Долгих 1970 : 42.

T'or (Чор; 205—207). В свете общих фонотактических закономерностей энецкого языка совершенно очевиден заимствованный характер этого названия: в исконно энецкой лексике не встречаются ни *t-* в анлауте перед *o* (допустимы только *tī-* и *tu-*), ни ауслатный *-r*. Это обстоятельство лишает всякой почвы гипотезу о том, что *Чор* — древнее собственно энецкое название рода *Mogadi* (Долгих 1962 : 235) и объясняет причину отсутствия названия *Чор* в архивных документах XVII в., которое заставило В. И. Васильева (1974 : 152 и сл.) фактически отказаться от этой гипотезы. Весьма малочисленная группа энцев *T'or* представляет собой, на наш взгляд, филиацию ненецкого рода с тем же названием, объясняемым из нен. *for* 'крик, рев' (→ 'Крикун' как прозвище). Предположение о вторичном, народно-этимологическом характере этого объяснения (Васильев 1963 : 36—37) представляется нам излишним, а сопоставление с этнонимом тюрк-шорцев *Sor ~ Ćor* (Долгих 1970 : 237) — довольно рискованным.

III. Собирательная и женская формы родовых названий

В ходе экспедиционной работы по изучению энецкой этнонимии мы столкнулись с особыми (ранее не фиксировавшимися) собирательными наименованиями членов определенного рода, этнической группы или семьи, употребляющимися в тундровом диалекте: *D'ufio* 'представители рода *D'ufi*'; *Masuodaeo*⁸ 'представители рода *Masuodae*'; *Mogadio*⁹ 'представители рода *Mogadi*'; *Soeta*² или *Soeteo* 'представители рода *Soeta*'; *Soldā* или *Soldeo* 'представители рода *Solda*'; *somatuo* 'сомату (собирательное название)'; *luota* 'русские (собирательное название)', от *luota* 'русский'; *Lēdō* 'члены семьи Лэдо', от *Lēdo* имя собств.; *Asubā* 'члены семьи Адуба', от *Aduba* имя собств.

⁶ Как повествует Аноним, Алмош (*Almos*, букв. 'сонный') — легендарный предок венгерской королевской династии Арпадов — получил свое имя из-за того, что якобы был зачат от птицы Турул, увиденной его матерью во сне.

⁷ Считается, что это название связано с нен. *χāfo, χāfu* 'журавль' (Найдú 1950 : 46; Долгих 1970 : 246; Васильев 1979 : 30). Однако в слове 'журавль' гласный первого слога краткий (неполного образования), а в названии рода — долгий (нормальной долготы)! Ср. *χāpē* и *Харюци* (Терещенко 1965 : 749, 754), а также эн. (тундр.) *χogí* и *χarut'i, χāfutí* (оба слова — ненецкие заимствования). Это обстоятельство, на наш взгляд, заставляет отклонить существующую трактовку.

Эти наименования не тождественны обычным формам мн. ч. (с суффиксом *-ʼ*: *D'utʼi*, *Masuodaʼe* и т. д.). Помимо показателя множественности, в них содержится еще и суффикс *-o* (в формах типа *Soetaʼ -ā-* из *-ao-*⁸), кроме того, факультативно возможен переход *-a* в *-e-*, т. е. использование основы аккузатива мн. ч. Аналогичный суффикс встречается и в нарицательной лексике тундрового диалекта, образуя отыменные прилагательные и существительные с релятивным значением: *sireo* 'зимний; зимний период' (от *sira* 'снег; зима'), *irō* 'нижний, находящийся под чем-л.; место под чем-л.' (от основы послелога *iro-*).

Нередко данные собирательные формы употребляются в генитиве. При этом, согласно общему правилу, *-o* из ауслота основы номинатива ед. ч. переходит в *-i-* при образовании основы аккузатива (и генитива) мн. ч. (Helimski 1978 : 36—37) : *D'utʼi*, *Masuodaʼei*, *Soetaʼi* (или *Soeteiʼ*) и т. д. — аналогично *nenogiʼ* ген. мн. ч. от *nenogo* 'комар', *ibiʼ* ген. мн. ч. от *ibio* 'паук'. Подобная генитивная форма представлена, в частности, в названии опубликованного Б. О. Долгих (1961 : 37—51) энецкого мифа *Солдэй Каха* (= *Soldei kaḥa* или *Soldai kaḥa*) 'шайтан рода Солда'. Ср. также *Soldaiʼ n̄ue* (букв. 'остров рода Солда') — энецкое название о. Леонтьевского в низовьях Енисея; *Kibukaiʼ ē* 'мать семьи Кибуки, мать Кибуки и его братьев'.

Как выясняется, эти формы генитива от собирательных названий полностью идентичны названиям женщин — представительниц определенного рода. Последние впервые отмечены на энецком материале в работе Б. О. Долгих (1962 : 232—235; см. также Хелимский 1977 : 303) и характеризуются добавлением к названию рода суффикса *-iʼ*: *Bagoiʼ*, *Lodosedeiʼ*, а также *somatuiʼ* 'энка-сомату', *luofaiʼ* 'русская'. Указанная связь с собирательными формами родовых названий позволяет трактовать *-iʼ* не как единый неразложимый суффикс, а как сочетание релятивного суффикса *-o* с показателем мн. ч. (которым в данном случае оказывается чередование *o/i*) и с показателем генитива *-ʼ*. Если попытаться перевести рассмотренные формы на русский язык поморфемно, то собирательная форма *Soldāʼ* получит перевод 'Солдаские', а женская форма *Soldaiʼ* 'Солдаских'.

Выявление этого факта на энецком материале позволяет нам занять определенную позицию в дискуссии о происхождении женских форм родовых названий в ненецком языке (типа *Juxujʼ* 'женщина из рода *Juxuʼ*, *Tʼorʼi* 'женщина из рода *Tʼorʼ*'). Как известно, Н. М. Терещенко (1956 : 204; 1960 : 113) квалифицирует их как формы генитива и предполагает идентичность содержащегося в большинстве из них суффикса *-j* суффиксу прилагательных. П. Хайду, со своей стороны, показывает, что исторически формант *-jʼ* присутствует во всех (а не просто в большинстве) женских формах родовых названий, но объясняет этот формант как окончание ласкательной или звательной формы, а сами названия женщин — как первоначальные обращения. Представляется, что энецкий материал позволяет поддержать точку зрения Н. М. Терещенко — с той, однако, оговоркой, что речь идет о генитиве мн. ч. (а не ед. ч.) релятивных прилагательных. Было бы неестественно предполагать, что материально почти тождественные показатели с весьма специфическим значением (образование женских форм родовых названий) в двух

⁸ В данном случае «срабатывает» морфологическое правило, запрещающее сочетание вида *ao*. Ср. аналогичное явление в формах пролатива: *kareone* 'по рыбе', *oduone* 'по лодке', но *mogāne* (от *moga*) 'по лесу'.

близкородственных языках имеют разное происхождение, что и позволяет думать, что ранее в ненецком языке, как и в энецком, имелась (а быть может, сохранилась в каких-то говорах и до сих пор) и собирательная форма родовых названий, генитивом к которой является женская форма таковых.

IV. Энецкий след в топонимии тазовских селькупов: *Ратта*

Из нескольких населенных пунктов на реке Таз, в которых сосредоточено почти все население Красноселькупского района Тюменской обл., выше всех по течению реки расположен Ратта — ныне, к сожалению, зачисленный из-за удаленности от райцентра в разряд «неперспективных» поселков и изрядно обезлюдевший, а в прошлом важный пункт на санном пути до Енисея и место проведения ежегодных оживленных ярмарок. В отличие от многих других северных поселков, тяготеющих к распадкам у устьев ручьев, Ратта занимает компактный столообразный песчаный холм на правом берегу с совершенно плоской вершиной (площадью в несколько гектаров) и довольно крутыми склонами.⁹

Из языка тазовских селькупов, составляющих большинство населения Ратты, название поселка — сельк. *Rötta* (< **Rätta*), *Ratta* — не этимологизируется; более того, в древнейшей исконно селькупской лексике анлаутный *r*- вообще не встречается. Не проливают свет на происхождение топонима и данные из языков эвенкийского, кетского и хантыйского этнических меньшинств. Известно, однако, что на начало XVII в. территория, на которой находится поселок, принадлежала лесным энцам (Долгих 1970 : карта 4); энцы были вытеснены из верховий Таза тымско-караконскими (ныне тазовскими) селькупами в течение XVII в. (Долгих 1960 : 84; Васильев 1979 : 126—127).

На наш взгляд, объяснение названия *Ратта* из энецкого языка не составляет затруднений. В рукописном энецком словаре Г. Ф. Миллера (Центр. Гос. архив древних актов, Москва, № 199, оп. 2, портф. 513, д. 7) зафиксировано слово на «мангазейском самоедском» (= лесном энецком) диалекте — *rätta* 'стол'. Вне всякого сомнения, это то же слово, которое в современном языке выступает в виде *lata* [*latta*] 'пол, доска' (ср. также нен. *lata* 'пол, доска; плоский, широкий'). Именно (ранне)эн. *ratta* и легло в основу рассматриваемого названия. Не вызывают сомнения ни естественность номинации (с учетом данной выше ландшафтной характеристики), ни возможность перехода названия в язык переселившихся на Таз селькупов. К сожалению, мы не располагаем данными относительно того, существовало ли на месте нынешней Ратты какое-то более или менее стабильное поселение (зимовье) в XVII в. Но даже если это не так, тот приметный холм, на котором ныне стоит Ратта, непременно должен был быть хорошо известен лесным энцам.

Дополним сказанное некоторыми историко-фонетическими комментариями. 1) В заимствованном названии, равно как и в записи Г. Ф. Миллера (начало XVIII в.), мы находим анлаутный *r*- на месте современного *l*-. Такая фонетическая особенность лесного диалекта хорошо отражена во всех наиболее ранних источниках энецкого языкового материала — например, у Н. Витсена (в записанном с большими искаже-

⁹ Эта ландшафтная особенность снискала Ратте репутацию «летнего курорта» Селькупии. На песчаном, хорошо продуваемом холме комаров и гнуса почти нет даже в жаркие июльские дни, когда эти насекомые буквально не позволяют вдохнуть в таежном лесу, окружающем Ратту с трех сторон; с высокого берега открывается чудесная панорама синеющей тайги и излучин верхнего течения Таза.

ниями переводе «Отче наш»): *role* 'избави' (= совр. тундр. *lōla* 'предохрани, защити'); в рукописи Г. Ф. Миллера: *rōtte* 'скамья, стул' (= совр. *lote* 'ящик, ларь'), *rōddo* 'низкий' (= совр. *lodu*); в «Зоографии» П. С. Палласа: *rybe* 'орел' (= совр. *libe*), *rilek* 'бобер' (= совр. тундр. *lidogo*). Как известно, в ненадлежащей позиции в энецком языке $*l > r$ (*kare* 'рыба' < $*k\bar{a}le$ и т. д.).¹⁰ По-видимому, для раннего состояния лесного диалекта следует постулировать универсальность перехода $*l > r$ (в частности, и в анлауте). В дальнейшем (заведомо не позднее начала XIX в.) произошел обратный переход, но только в анлауте, что можно объяснить «давлением» ареальных факторов: в основной массе соседних языков (и языков Сибири в целом) анлаутный *r* не представлен или чрезвычайно редок. 2) Хотя для селькупского языка, как уже упоминалось, также нетипичен *r*- в анлауте, современному тазовскому диалекту известно несколько десятков слов на *r*- (в основном хантыйских и русских заимствований, а также ономотопозитических образований), часть из которых, несомненно, существовала и в XVII в. Это обстоятельство обусловило заимствование рассматриваемого топонима без адаптации консонантизма. 3) Исходной для селькупского языка следует признать форму *Rōtta* с типичной для заимствованных слов передачей *a* первого слога в виде \bar{a} ($> \bar{y}$) (ср. примеры подобного развития в русских заимствованиях селькупского языка — Очерки 1980 : 13—14). Параллельная форма *Ratta* или является вариантом с сокращением долготы (ср. аналогичные колебания в сельк. *aqqal* ~ *ḡqqal* 'вожжа', *wacyro* ~ *wḡcyro* 'гагара' и др.), или же возникла под вторичным воздействием официальной формы названия, закрепившейся до перехода $\bar{a} > \bar{y}$ в селькупском.

ЛИТЕРАТУРА

- Василевич Г. М. 1958, Эвенкийско-русский словарь, Москва.
 — 1965, Этноним *саман* — *самай* у народов Сибири. — Советская этнография 3, 139—145.
 Васильев В. И. 1963, Лесные энцы. — Сибирский этнографический сборник 5, Москва, 33—70 (Труды Института этнографии 84).
 — 1974, К проблеме этногенеза северосамодийских народов. — Социальная организация и культура народов Севера, Москва, 133—175.
 — 1979, Проблемы формирования северосамодийских народностей, Москва.
 Долгих Б. О. 1946, О родоплеменном составе и распространении энцев. — Советская этнография 4, 109—124.
 — 1960, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, Москва (Труды Института этнографии 55).
 — 1961, Мифологические сказки и исторические предания энцев, Москва (Труды Института этнографии 66).
 — 1962, Бытовые рассказы энцев, Москва (Труды Института этнографии 75).
 — 1970, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, Москва.
 Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980, Очерки по селькупскому языку, Москва (= Очерки).
 Миллер Г. Ф. 1941, История Сибири II, Москва—Ленинград.
 Потапов Л. П. 1957, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан.
 Прокофьев Г. Н. 1937, Введение. — Языки и письменность народов Севера I, Ленинград, 5—11.
 Терещенко Н. М., 1956, Материалы и исследования по языку ненцев, Ленинград.
 — 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
 — 1979, Нганасанский язык, Ленинград.

¹⁰ В виде *-l*- отражены, однако, праязыковые сочетания типа $*Cr$, $*Cl$: *melo* 'твой чум' < $*m\bar{a}t-r\bar{y}$.

- Хелимский Е. А. 1977, [Рец. на:] P. Hajdú, *Samojedologische Schriften*. — СФУ XIII, 301—305.
- Хомич Л. В. 1976, Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев, Ленинград.
- Castrén, M. A. 1856, *Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849*, St. Petersburg.
- Hajdú, P. 1950, Die Benennungen der Samojuden. — JSFOu 54/1, 1—112.
- 1975, *Samojedologische Schriften*, Szeged.
- Helimski, E. 1978, On the Origin of Prosodic Features in Some Samoyed and Ugric Languages. — *Estonian Papers in Phonetics 1978*, Tallinn, 35—38.
- Lehtisalo, T. 1956, *Juraksamojedisches Wörterbuch*, Helsinki (LSFU XIII).
- Middendorff, A. Th. 1875, *Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens*, Bd. IV/2, St. Petersburg.
- Terescsenko, N. 1960, A nyenyec nemzetségnevekről. — *Névtudományi vizsgálatok*, Budapest, 106—115.

E. A. HELIMSKI (Moscow)

ETYMOLOGICAL NOTES ON ENETS ONOMASTICS

I. The Tundra Enetses call themselves *somatu*. I have aimed to show that this name is borrowed from Nganasan *səma'tu*, and the latter is derived from the verbal stem *səma'tə-* 'to wear a hat, to have a hat' and corresponds (both etymologically and semantically) to the name of a Tundra Enets tribe — *Soeta* (now extinct, but at one time the biggest tribe).

II. Most Tundra and Forest Enets tribe-names can be traced back to common words and are of relatively recent origin. I seriously doubt the validity of the comparisons of certain tribe-names within the ethnonymy of Southern Siberia. Special attention is given to the etymologies of the tribe-names *Solda* (probably from Nenets *sälda* 'has paid'), *Äseða* (from **äjwäkätä*, lit. 'headless'), *D'uti* (possibly from *đuti* 'there was a dream').

III. The Enets language possesses a special collective form of the tribe-names (stem + relativizer -o + plural marker -'): *Saduo'* 'representatives of the *Sadu*-tribe', etc. It appears that the feminine form of the tribe-names (*Sadui'* '*Sadu* woman') is nothing else but the genitive of this collective form. Historically the same seems to be true of the feminine tribe-names in Nenets.

IV. In the early 17th century the upper basin of the Tas river, now settled by Selkups, was an Enets territory. The name of Ratta (a Selkup village that is situated on a table-flat mound) originates from Forest Enets, cf. (G. F. Mueller's manuscript) *rätta* 'table, (floor, board, flat)' (> contemporary Enets *lata*).